

Борисов С. Н., Липич Т. И., Пенской В. В.**«НЕ ПОЛОЖИЛ ЛИ ГОСПОДЬ МОСКВУ И ОКРЕСТНЫЕ ГОРОДА ПУСТЫ?»: МОСКОВСКАЯ ЧУМА 1654 г.**

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» Минобрнауки России, 308015, г. Белгород

Первые 10 лет правления царя Алексея Михайловича выдались на редкость беспокойными. Неудачные действия «правительства» боярина Морозова спровоцировали серию городских бунтов, апогеем которых стал знаменитый Соляной бунт в столице. Затем начались религиозные распри, в недалеком будущем приведшие к Расколу. Потом Россия после долгих колебаний вступила в войну с Речью Посполитой, растянувшуюся, как оказалось, на 13 лет. Наконец, в 1654 г., после долгого перерыва, Россию вновь посетила чума. Моровое поветрие 1654/1655 г. было относительно скоротечным (начавшись летом, оно постепенно сошло на нет с началом зимы), однако весьма смертоносным и потрясшим до основания и Российское государство, и русское общество, нарушив привычный размеренный ход жизни и надолго выбив из колеи всё и вся. Опираясь на свидетельства современников и сохранившиеся документы, авторы реконструируют ход и последствия этой эпидемии, предлагая свой вариант ее происхождения, отличный от предыдущих.

Ключевые слова: раннее Новое время; эпидемия; чума; Россия; Алексей Михайлович; Никон; народные волнения; «чумной бунт».

Для цитирования: Борисов С. Н., Липич Т. И., Пенской В. В. «Не положил ли Господь Москву и окрестные города пусты?»: Московская чума 1654 г. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023;31(1):130—139. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-1-130-139>

Для корреспонденции: Пенской Виталий Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного научно-исследовательского университета, e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Borisov S. N., Lipich T. I., Penskoj V. V.**“WHETHER THE LORD PUTTED MOSCOW AND NEIGHBOURING CITIES EMPTY?»: MOSCOW PEST OF 1654**

The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “The Belgorod State National Research University” of the Minobrnauka of Russia, 308015, Belgorod, Russia

The first ten years of the reign of Tsar Alexei Mikhailovich were distinguished by extreme turbulence. The unsuccessful actions of the “government” of the boyar Morozov provoked chain of city riots which reached their apogee in famous “Salt Riot” in the capital. After that, religious feuding began that in near future resulted in the Schism. Afterwards, Russia, after long hesitation, entered the war with the Polish-Lithuanian Commonwealth that as it turned out, prolonged 13 years. Finally, in 1654, after long break, the plague again visited Russia. The plague pestilence of 1654–1655 was relatively transient (it began in summer and gradually faded away with the onset of winter), however very deadly and shook both the Russian state and Russian society to the ground. It disrupted habitual regular way of life and unsettled all and everything. The authors propose original version of origin of this epidemic and reconstruct its course and consequences on the basis of evidence of contemporaries and extant documents.

Keywords: Early Modern Time; epidemics; plague; Russia; Alexey Mihajlovich; Nikon; popular tumults; “plague riot”.

For citation: Borisov S. N., Lipich T. I., Penskoj V. V. “Whether the Lord putted Moscow and neighbouring cities empty?»: Moscow pest of 1654. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhranenia i istorii meditsini*. 2023;31(1):130–139 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-1-130-139>

For correspondence: Penskoj V. V., doctor of historical sciences, associate professor, professor of the Chair of Theory and History of State and Law of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “The Belgorod State National Research University” of the Minobrnauka of Russia. e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Conflict of interests. The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgment. The study had no sponsor support

Received 16.06.2022

Accepted 31.10.2022

Введение

1 октября (по ст. стилю) 1653 г. собравшийся в Москве по царскому повелению Земский собор одобрил решение принять мятежную Украину под высокую царскую руку. После долгих размышлений царь указал, а бояре приговорили начать подготовку к войне с Речью Посполитой — к войне-реваншу за унижения времен Смуты и неудачную войну 1632—1634 гг. Весной следующего года многочисленная русская армия, разделенная на три группировки, выступила в поход. Сам «Тишайший» царь Алексей Михайлович, получивший благословение

своего «собинного» друга патриарха Никона, облачился в доспехи и во главе 40-тысячного войска двинулся на Смоленск. Польско-литовские рати бежали под натиском хорошо обученных и великолепно снаряженных русских полков, а 23 сентября 1654 г. капитулировал осажденный Смоленск — после более чем тридцатилетнего польского господства он вернулся под власть московских государей, и на этот раз навсегда.

Однако торжества по случаю успешной кампании были омрачены известиями из русской столицы: в самый разгар похода, в начале июля 1654 г., в городе объявилось моровое поветрие. Эта эпиде-

История медицины

мия, которая захватила не только Москву, но и многие другие «град и веси» Российского государства, была относительно короткой (с наступлением зимы она пошла на убыль), однако на редкость смертоносной и вселявшей ужас в сердца тех, кто, почувствовав вплотную дыхание смерти, остался в живых.

Материалы и методы

Этой эпидемии в отечественной исторической науке одновременно и повезло, и не повезло. С одной стороны, она оставила четкий след в документах и свидетельствах современников (да и не только в них), что позволяет достаточно полно реконструировать ее ход и последствия для государства, общества и даже отдельных людей (в первую очередь для элиты). XVII век — пожалуй, первый век в нашей истории, столь основательно по сравнению с предыдущими столетиями документированный (применительно к временам после великого московского пожара 1626 г.). Великая чума 1654/55 гг. не могла не оставить документальные следы. Подборка документов, позволяющих взглянуть на историю этой эпидемии глазами московских дьяков и администраторов, была опубликована еще на заре становления отечественной исторической науки именно как науки, а не как развлекательного, познавательного и назидательного чтения [1]. Тем самым была заложена хорошая основа для изучения истории этой эпидемии. За этой публикацией последовали и другие, в которых отражались ход эпидемии и ее воздействие на общество и его моральный дух. Одним словом, на сегодняшний день мы располагаем неплохим комплексом документальных и нарративных источников, намного более обширным, нежели те, что отложились по результатам воздействия на общество и коллективную память русского народа предыдущих волн чумы.

Особый интерес представляет не только и не столько сухая фактология, повествующая об этом море, сколько его антропологическое измерение. Как показали события последних двух лет, даже не столь смертоносная, как чумная, эпидемия коронавируса способна повергнуть мир в состояние, близкое к хаосу. Что же стоит говорить о раннем Новом времени? И здесь как нельзя более кстати оказывается завоевавший прочные позиции в современной западной гуманитаристике так называемый энвайронментальный подход к изучению истории общества и связанных с ним политических, социальных, экономических и культурных институтов и учреждений. Суть этого метода охарактеризовал один из видных представителей течения Л. Томмен. По его мнению, исследователи-энвайронменталисты концентрируют свое внимание на особенностях взаимодействия природы и человека, окружающей среды и общества и их отражении в коллективном и индивидуальном сознании человека и общества [2]. И если для предыдущих волн чумы, посещавших Русскую землю в эпоху Средневековья и в «долгий XVI век», наибольший интерес с этой точки зрения

для нас представляют летописи (впрочем, и о чуме 1654/55 гг. сохранились летописные сведения, даже целая повесть [3, 4]), то применительно к этой эпидемии есть свидетельства очевидцев: путевые записки архиерея Павла Алеппского, сына антиохийского патриарха Макария, побывавшего в Москве в разгар эпидемии, и шведского комиссара и де-факто шведского резидента в русской столице И. Родеса [5, 6]. Любопытными представляются также сочинения патриарха Никона, посвященное этой чуме [7], и жизнеописание Никона авторства И. Шустерина [8].

Наличие неплохой и достаточно разнообразной источниковой базы вкупе со значимостью событий 1654/55 гг. способствовало тому, что отечественные историки довольно рано обратились к этой теме. Еще в 1820 г. В. Рихтер, лейб-медик Александра I, во второй части своей «Истории медицины в России» уделил немало места истории этой эпидемии, дав первое более или менее научное ее описание [9]. Классическим описанием чумы 1654/55 гг. в позитивистском духе может считаться та часть «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, посвященная истории царствования Алексея Михайловича, в которой патриарх отечественной исторической науки обобщил все известные на тот момент документы и материалы по истории этой эпидемии и ее последствий [10]. Нельзя не упомянуть и краткий очерк истории поветрия, который опубликовал в 1884 г. А. Г. Брикнер [11]. Однако из всех дореволюционных исследований, так или иначе касавшихся истории чумы 1654/55 гг., непревзойденной осталась (и во многом остается по сей день) небольшая брошюра Н. Ф. Высоцкого, увидевшая свет в Казани еще в 1879 г. [12]. Она, безусловно, выигрывает на фоне казанской же небольшой брошюры В. Эккермана [13], носящей ярко выраженный обзорный характер и вышедшей спустя 5 лет после исследования Высоцкого.

После 1917 г. историей чумы 1654/55 гг. занимались по преимуществу историки медицины. Так, в ставшем классическим исследовании К. В. Васильева и А. Е. Сегала ее истории отведено значительное место (впрочем, авторы не избежали ставших традиционными заблуждений, полагая, что эта болезнь, вероятно, пришла в Россию с Востока) [14]. В этом отношении от их работы практически не отличается вышедшее в 2006 г. сочинение М. В. и Н. С. Супотницких, продолживших в своей работе «классическую» линию освещения перипетий морового поветрия 1654/55 гг., повторив его положительные и отрицательные стороны [15].

Нельзя сказать, что историей чумы 1654/55 гг. занимались исключительно историки медицины. Столь значимое событие, оказавшее в середине 50-х годов XVII в. серьезное влияние на события в самой России и за ее пределами, не могло быть оставлено без внимания исследователями, изучающими политическую, социальную и иную историю Российского государства и общества раннего Нового времени. Если взять работы последних двух десятилетий, то,

пожалуй, наиболее значимыми публикациями, в которых интересующая нас тема освещена достаточно полно, были две биографии царя Алексея Михайловича [16, 17], а также жизнеописание патриарха Никона [18], сыгравшего значимую роль в этой истории. Правда, для всех этих работ характерна одна общая черта: при большом, казалось бы, объеме собственно чуме и ее последствиям отведено все же немного места [19]. Чума выступает своего рода фоном, на котором разворачиваются события политической и социальной истории [20]. Из числа последних публикаций можно упомянуть сборник докладов, которые были сделаны на межвузовском семинаре «Русь под ударом моровых поветрий», который прошел в мае 2020 г. в университете Дмитрия Пожарского. Часть из них непосредственно касается нашей эпидемии [21, 22].

Казалось бы, при изучении историографии проблемы перед нами возникает довольно широкая палитра самых разнообразных работ, в которых изучению подвергаются различные аспекты истории морового поветрия 1654/55 гг., причем не только отечественных, но и зарубежных [23]. Однако застарелая болезнь специализации не могла не отразиться на изучении различных аспектов ее истории — сказывается разность подходов историков медицины и историков, которые занимаются изучением вопросов политической, экономической, культурной и социальной истории. В итоге картина дробится на отдельные фрагменты [21]. И это не говоря уже о фактических ошибках и заблуждениях, которые кочуют из одной книги и статьи в другую. Все это обуславливает необходимость вернуться к этой теме сегодня. Однако мы не намерены подходить к проблеме с историко-антропологической точки зрения (которая в последнее время стала достаточно популярной и распространенной [24]), но остановимся на старом, проверенном методе, который можно назвать «позитивистским»: факты, факты, ничего, кроме фактов. Одним словом, мы попытаемся восстановить хронику эпидемии от ее появления до окончания и изучить степень ее воздействия на русское общество середины XVII в.

Результаты исследования

Откуда пришла на Русскую землю эпидемия? Этим вопросом задавались еще современники, кому «посчастливилось» пережить этот жестокий мор. Для жителей Москвы и других русских городов этот вопрос был особенно актуальным, если принять во внимание тот факт, что последняя серьезная эпидемия морового поветрия (скорее всего, чумы) имела место в конце 60-х — начале 70-х годов XVI в., в царствование Ивана Грозного [25]. Даже голод начала XVII в. и последовавшая за ним Великая Смута не способствовали началу масштабного поветрия, так что о том, каким может быть массовый мор, помнили только глубокие старики [5]. Вот и Павел Алеппский, подтверждая это, в своем путевом дневнике писал, что «московиты не знали моровой язвы издавна и, бывало, когда греческие купцы о ней рас-

сказывали, сильно удивлялись». Теперь же, когда после долгого перерыва (без малого 100 лет) сменилось по меньшей мере три поколения русских людей, она пришла в их земли, «они (т. е. русские.— Авт.) были сбиты с толку и впали в сильное уныние» [5].

Традиционно принято считать, что эпидемия 1654 г. (которая, если судить по источникам, вовсе не завершилась с началом зимы 1654/55 гг., а имела продолжение и в 1655—1656 гг. в России и в сопредельных с ней странах) имеет или восточное (об этом пишут как о возможном сценарии ее распространения К. Г. Васильев и А. Е. Сегал [14]), или местное (по мнению М. В. и Н. С. Супотницких, активизировался реликтовый, по их классификации, очаг чумы на территории Русской равнины [15]) происхождение. Однако представляется, что эта чума, как и большая часть предыдущих моровых поветрий, снова была занесена в Русскую землю с запада, с территории Великого княжества Литовского. В пользу такого предположения есть несколько свидетельств. Для начала стоит вспомнить о дневниковых записях литовского шляхтича Я. Цедровицкого из Слуцка. Согласно его показаниям, в январе 1658 г. «на силу уничтожилось поветрие, которое началось 1653 г. в Октябре, в это время зверь достаточно поживился телами людей» [25, 27]. Если шляхтич не ошибся с датами, то выходит, что эпидемия чумы на территории Великого княжества Литовского началась еще осенью 1653 г., до того как началась 13-летняя война и русские войска вторглись на территорию литовских восточных воеводств.

Нельзя исключить и другой путь, по которому чума попала в Россию. Еще по осени 1652 г. чума объявилась в Польше, а зимой 1652/53 г. она опустошила Краков и его окрестности. Тогда же моровое поветрие началось и на территории будущей Украины — сперва на Правобережье, а затем перекинулось и на Левобережье. «Летопись Самовидца», составленная в начале XVIII в., но описавшая события второй половины предыдущего столетия, сообщала своим читателям, что в 1652 г. «барзо приморки великие были в Корсуню и по иных городах в тих поветах, ташке и на Заднепру в Переясловлю и в пригородках его, в Носовце, Прилуце, опрочъ Нежина, — много вимерло людей, же пусти zostали дворе» [28]. О распространении мора на территории, подконтрольной гетману Б. Хмельницкому, сообщали в Москву и воеводы пограничных русских городов. Опрашивая выходцев с «той» стороны и засылая туда своих соглядатаев, они раз за разом писали в столицу, что начиная с осени 1652 г. во многих «черкасских» городах и местечках по обе стороны от Днепра распространялся мор, почему тамошние власти повсеместно устанавливали заставы на дорогах и вводили режим жесткого карантина [29]. Так, в июле 1652 г. белгородский воевода Емельян Бутурлин отписывал в Москву, что посланные им для проводывания новостей в «украинные козацьи города» люди сообщали: «за Белою Церковью в

История медицины

козачьих городех в многих местех мор большой, и в козачьих де в украиньх городех поставлены заставы крепкия, из моровых мест, из дальних козачьих городов, в козачьи украиные города пропускать никого не велено» [29].

Принимая во внимание тот факт, что с 1648 г. союзниками Б. Хмельницкого в его противостоянии с Речью Посполитой были крымские татары, отряды которых активно действовали на территории будущей Украины и подвергали набегам ряд белорусских поветов, можно с высокой степенью уверенности предположить, что чума была занесена на территорию Речи Посполитой и Гетманщины из Крыма, а туда она попала из Турции. Последняя и тогда, и впоследствии нередко становилась источником всякого рода заразных болезней, чума не была исключением. Так было в XVIII в., когда в ходе трех русско-турецких войн (1735—1739, 1768—1774 и 1787—1791 гг.) вместе с пленными турками и татарами в Россию трижды была занесена чума, добравшаяся до самой Москвы, где в 1771 г. вспыхнул знаменитый Чумной бунт.

Удивляться тому, что чума быстро распространилась в соседних с Россией землях, не приходится — с 1648 г. Речь Посполитая переживала жестокий внутренний кризис, начало которому положил казацкий мятеж, быстро переросший в знаменитую «Хмельничину». Опустошительные эпидемии, как правило, шли рука об руку с войной и голодом. Несовершенство тогдашней медицины и санитарии не позволяло рассчитывать на то, что чума не перешагнет русскую границу (несмотря на то что Москва постоянно требовала от воевод пограничных городов, чтобы те внимательно следили за эпидемиологической ситуацией в приграничных землях и принимали соответствующие меры по недопущению заразных болезней во владения московского государя). Вопрос был только в том, когда это случится.

Долго ждать пришествия чумы не пришлось. Первое свидетельство о начале эпидемии в русской столице принадлежит шведскому резиденту купцу И. Родесу. 10 июля 1654 г. он отписывал в Стокгольм королеве Кристине, что «около 14 дней тому назад двор боярина Василия Петровича Шереметева, находящийся недалеко от этого двора и на одной и той же улице, был окружен сильной стражей, потому что в нем в короткое время умерло друг за другом свыше 30 человек». На первых порах этому тревожному известию московские власти не придали значения, поскольку, по всеобщему мнению, «боярина постигло такое Божеское наказание за то, что он несправедливо прирезал и забрал себе кусок земли от соседнего кладбища». Однако по прошествии нескольких дней «то же самое обнаружилось в других местах города, в разных домах и дворах, и вчера 2 боярских двора были заперты и к ним поставлена сильная стража, и снаружи, где стрельцы должны держать стражу, дворы вымазаны дегтем и ворванью, так что теперь достаточно очевидно, что это

чума, которая начинает свирепствовать в этих местах» [30].

Появление в конце июня 1654 г. первых заболевших (пресловутого «нулевого пациента» и заразившихся от него) именно на подворье В. П. Шереметева вряд ли можно считать случайностью: боярин и воевода Василий Петрович Шереметев командовал русской армией, действовавшей с конца весны 1654 г. на территории нынешней Белоруссии, и именно там осенью предыдущего года были отмечены очаги заболевания. Видимо, кто-то из его дворян, вернувшись от воеводы в столицу (или литовский пленник), принес с собой смертоносную бактерию. Скуденность большого числа людей на небольшом пространстве боярской усадьбы только способствовала стремительному распространению инфекции, а когда власти уяснили степень внезапно возникшей опасности, было уже поздно. Мор вышел из-под контроля и начал свое смертоносное шествие по московским улицам. Факт, что чума началась с Москвы, говорит в пользу того, что она была не местного происхождения, а занесенная извне.

Пока эпидемия еще не набрала обороты и ограничивалась столицей, князь М. П. Пронский со товарищи, которым Алексей Михайлович поручил ведать московскими делами пока он будет в походе, пытались приостановить ее распространение. Медицина ничем не могла помочь, так что все надежды власти возлагали на жесткие карантинные меры. О том, какими они были, можно судить по грамоте, которую в начале сентября 1654 г. прислал новгородский митрополит Макарий архимандриту Тихвинского монастыря Иосифу с братией. В ней говорилось (со ссылкой на присланную из столицы новгородскому воеводе князю Ю. П. Буйносову-Ростовскому) о необходимости принять жесткие меры по минимизации общения Новгорода и Новгородского уезда с областями, где появилась чума. Согласно царскому наказу, от воеводы требовалось «в Новгородском уезде учинити заказ крепкой, под смертною казнью, и дороги, которые от Москвы в Великий Новгород и в Новгородский уезд и в иные государевы города, велено все засечь, и на тех дорогах велено поставить заставы крепкие» с предписанием, чтобы те заставы никого ни под каким видом в Новгород и в Новгородский уезд не пропускали и заворачивали путешественников назад той же дорогой, по которой они пришли. Если же кто нарушал этот запрет или тайно принимал у себя на дворе приезжих из зараженных уездов или городов, то его ожидало суровое, вплоть до смертной казни, наказание [31]. В самом же городе и его пригородах князь и его люди должны были внимательно наблюдать за тем, не объявятся ли где-либо признаки начавшейся эпидемии. Если таковые вдруг будут замечены, то, во-первых, «тех дворов велено мертвых людей погребать тех же дворов достальным жилецким людем, безо всякого мотчанья, чтоб от того моровое поветрие не множилось»; а во-вторых, «дворы их велено обламывать (т. е. ставить рогатки и иные препятствия-засеки, чтобы в чумной двор нельзя было сво-

бодно войти или выйти. — *Авт.*) и у тех дворов велено поставить сторожи крепкие». В-третьих, выставляемым у чумных дворов сторожам «велено приказывать накрепко, чтоб они из тех дворов достальных жилецких людей никого не выпускали отнюдь, некоторыми делами». В-четвертых, указом было «велено учинити заказ крепкой, чтоб из Великого Новагорода и из Новгородского уезду всяких чинов люди в иные города и уезды потомуж не пропускали», нарушителей же предписывалось арестовывать и сажать в тюрьму до особого царского указа. И, само собой, воеводе предписывалось смотреть за тем, «нет ли на люди какого упадка? И будет есть, и сколь давно, и на которых местех сколько людей померло, и долго ль те люди были болны, и какую болезнью, и с язвами ли померли, или без язв?». Собранные сведения воевода должен был немедля отсылать государю в его штаб-квартиру в Троице-Сергиевом монастыре (подобного рода грамоты с аналогичными указаниями были разосланы и в другие города) [31].

Однако меры, которые московская администрация предпринимала с целью не допустить распространения болезни, не помогали. Последствия ширившейся эпидемии, если судить по описаниям современников, были ужасны: смерть косила москвичей направо и налево, не разбирая возраста, пола и социального статуса, причем характер ее и скоротечность болезни внушали особенный ужас. Павел Алеппский со слов очевидцев живописал ужасы поветрия следующим образом: «То было нечто ужасающее, ибо являлось не просто моровую язву, но внезапную смертью. Стоит, бывало, человек и вдруг моментально падает мертвым; или: едет верхом или в повозке и валится навзничь бездыханным, тотчас вздувается как пузырь, чернеет и принимает неприятный вид» [5]. Ему вторил И. Родес, который в письме в Стокгольм 29 августа 1654 г. сообщал, что за прошедший с начала эпидемии месяц «чума до такой степени усилилась, что теперь считают, что от нее умерло свыше 20 000 человек; она ежедневно усиливается, и люди до такой степени мрут на улицах, что ни в какое время дня нельзя по ним пройти или проехать верхом, чтобы не встретить новых похорон, а также валяющихся умирающих и уже мертвых; по утрам простонародьем вывозятся многие телеги с 3 или 4 покойниками в их одежде; жалкое состояние» [30].

Работа московских властей, светских и духовных, очень скоро была фактически парализована: приказные чины, стрельцы, клирики и выборные люди от московского посада умирали один за другим или же бежали из охваченного чумой города. Эпидемия, несмотря на предпринимаемые меры, продолжалась. 23 сентября 1654 г., в разгар эпидемии, князь И. А. Хилков, который после смерти от поветрия боярина князя М. П. Пронского (11 сентября) и его товарища-заместителя князя И. В. Хилкова (12 сентября) и болезни окольничего князя Ф. А. Хилкова был вынужден взять управление умирающим городом в свои руки (насколько это вообще было возможно в тех условиях), писал Алексею Михайлови-

чу и его супруге Марии Ильиничне, что мор в столице и не собирается униматься, а продолжает буйствовать. В итоге работа государственного и церковного аппаратов была фактически остановлена. А как могло быть иначе, если, по его словам, в московских «во всех монастырех старцы и старицы многие померли, а остались немногие», что заболели или умерли почти все протопопы, попы, дьяконы и пономари, а из уцелевших многие бежали из города, так что соборы стоят пустые, служба в них не ведется, что «служивые, государи, люди, дворяне и дети боярские городовые, которым по вашему государеву указу велено быти на Москве, многие померли, а иные от морового поветрия с Москвы разбежались», что уважаемые купцы и торговые люди гостиной и суконной сотен перемерли, так что некого поставить на службу в таможни и на государев денежный двор, что повымирали черные сотни и от посадских людей некого выбрать в сторожи и целовальники для несения полицейской и караульной службы, так что 5 сентября уцелевшие к тому времени тюремные сидельцы, воспользовавшись моментом, проломили стену острога и разбежались по окрестностям, что «стрельцов, государи, шти приказов и с один приказ нестало, многие померли, а иные разбежались, а которые стрелцы и остались и те многие болны», караулы нести некому, так что пришлось запереть большую часть городских ворот, что лавки в торговых рядах позакрыты, торговля остановилась [1].

Присылаемые из Москвы от Хилкова и думного дьяка Алмаза Иванова к царю отчеты гласили, что в октябре 1654 г. из 12 стрельецких голов в Москве в живых осталось только двое, да третий болен, да девять сотников. В 6 приказах московских стрельцов нести службу могли только 277 человек (т. е. едва-едва на полприказа набиралось людей), а в 6 приказах срочно переведенных в столицу городовых стрельцов и того меньше, 162 человека [1]. Павел Алеппский подтверждал эти сведения. Передавая слова толмача, он писал в своих путевых записках, что царь прислал в Москву «сначала 600 стрельцов, т. е. бейлик, с их агой, и все они умерли; вторично прислал других, и эти также все умерли; в третий раз прислал, и с этими то же случилось» [5]. Посольский приказ по сравнению со стрельцами отделался относительно легко: на 17 декабря 1654 г. в живых в нем осталось, кроме думного дьяка и фактического главы русского дипломатического ведомства Алмаза Иванова, 3 подьячих и 30 толмачей и переводчиков, умерших же насчитывалось 30 человек. А вот приказу Новой четверти повезло меньше: выжили только 2 дьяка и 5 подьячих, умерших же приказных чинов насчитывалось 60 человек. В другом важном приказе, Земском, при 12 живых приказных чинах умерших насчитывалось 43 человека. В московском Чудовом монастыре умерли от поветрия 182 инока, в живых осталось только 26, в Вознесенском девичьем монастыре — 90 и 38 соответственно, в Ивановском же девичьем — 100 и 30. Общая закономерность прослеживалась достаточно четко: там,

История медицины

где была наибольшая скученность людей на небольшом пространстве, эпидемия собирала богатую жатву. Так, на подворье у боярина Б. И. Морозова умерло двора 343 человека, а в живых осталось только 19, на дворе князя А. Н. Трубецкого — 270 и 8 соответственно, у князя Я. К. Черкасского — 423 и 110, в усадьбе князя Н. И. Одоевского — 295 и 15, у окольничего С. И. Шеина — 170 и 9 [1].

Сохранились также данные об умерших и выживших и по некоторым московским черным сотням и слободам. Так, в декабре 1654 г. в Кузнецкой слободе умерших было 173 человека, выживших — только 32, в Голутвиной слободе — 100 и 21 соответственно, в Новгородской сотне — 438 и 72, в Устюжской полусотне — 320 и 40, в Покровской сотне — 167 и 44, в Кожевницкой полусотне — 157 и 43, в Ордынской сотне — 272 и 43, в Заяузской Семеновской слободе — 329 и 68 [1]. При таких потерях набрать необходимый штат для укомплектования органов городского самоуправления становилось проблематичным. Так что попытки московских властей бороться с распространением болезни очень скоро показали свою несостоятельность. Против болезни не помогало ни опечатывание дворов, где обнаруживались признаки болезни, ни перекрытие ворот в Москву и в Кремль, ни замуровывание окон и дверей в приказные учреждения и царские дворцы. Карантин был установлен слишком поздно, да и жесткость его была явно недостаточной. Патриарх Никон, который после отбытия царя Алексея Михайловича с войском под Смоленск остался фактическим главой государства и московской администрации, 24 июля 1654 г. выехал из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, взяв с собой царицу и все царское семейство, и уже оттуда посредством грамот, отправляемых князю М. П. Пронскому, пытался управлять Москвой. Примеру патриарха поспешили последовать и другие жители столицы, разнося с собой заразу.

Массовое бегство москвичей из столицы (Павел Алеппский в своих путевых записках отмечал, что он и его спутники, подплывая к Коломне в середине августа 1654 г., «видели на ней (на Москве-реке. — *Авт.*) много судов, идущих из Москвы, с мужчинами, женщинами и детьми, которые бежали от моровой язвы», добавляя к этому, что «таких беглецов мы видели также в тамошних деревнях и лесах» [5]), которое приобрело особый размах к концу лета, не могло не привести к распространению мора за пределы Москвы. Примером тому может служить Городец в Бежецком Верху. Тамошний воевода отписывал Алексею Михайловичу, что 4 сентября приехал в городок его житель Иванко Попков с товарами из Москвы, 26 сентября тот Иванко помер от поветрия. Пока же он пребывал на своем дворе, приходили к нему, по словам воеводы, «посацкие люди, сродичи и должники», и тот Ивашко «выдавал тем людям заемные кабалы, а иным давал платье», так что «те люди и их жены и дети от того померли многие» [1]. Аналогичным образом началось поветрие и в Михайлове, куда бежали из Москвы отправленные

было туда на замену умершим московским стрельцам стрельцы михайловские. В Рыльске «нулевым пациентом» стал некий Гришка Лазарев, приехавший из Москвы 24 сентября. Рыльчане «выбили» Гришку в лес, где он и помер, однако это не спасло город и уезд от мора [1].

Раньше других мест чума поразила Рузу — в самом начале июля 1654 г., затем последовала долгая пауза, после которой первые ее случаи были отмечены в Юрьеве-Польском (1 августа), Торжке (4 августа), Калуге (10 августа), Звенигороде и Туле (середина августа), Суздале и Ржеве Володимировой (26 августа), Угличе (1 сентября). Заоцкие и польские города пали жертвой мора в сентябре 1654 г.: Мценск, Белев и Зарайск — 1 сентября, Епифань — 4 сентября, Дедилов — 5 сентября, Болхов — 13 сентября [1].

Урон, который нанесла болезнь в провинциальных городах, был не меньшим, чем потери Москвы. Так, из Калуги местные власти в конце декабря 1654 г. отписывали царю, что за время распространения мора в самом городе и в его слободах умерли стрелецкий голова Савин Литвинов и 108 стрельцов (а оставшиеся 92 переболели, но выжили), губной голова Меньшой Дуров со всей семьей и домочадцами, скончались от болезни 4 приказных чина да 3 переболели. Полностью вымерли 28 из 40 дворов калужских ямщиков, посадских людей 1856 человек, не считая их жен, детей, племянников, зятьев и прочих домочадцев. В местном Рождественском Лаврентьевом монастыре осталось в живых лишь 8 монахов, а из крестьян монастырских уцелело лишь 32 человека (с женами и детьми), умерли же 95. Примечательно, что в Калуге, согласно этому письму, с 1 декабря болезнь пошла на убыль, а к концу месяца и вовсе сошла практически на нет. В Торжке за время эпидемии умерло 224 человека. Обращает на себя внимание одна деталь: среди скончавшихся был и торжокский воевода Федор Збарецкий, а вместе с ним 63 его челядинца и домочадца (т. е. чем больше людей на подворье, тем выше вероятность их массовой гибели), остались в живых 686 человек. В Звенигороде практически полностью вымерла стрелецкая слобода, а в самом городке заболели и скончались 164 человека, выжили 197. Примечательно, что на этот раз досталось не только городам, но и селам и деревням — беглецы из столицы разносили заразу везде, где они останавливались даже на самое краткое время. Павел Алеппский писал, что «сильная моровая язва, перейдя из города Москвы, распространилась вокруг нее на дальнейшее разстояние, при чем многие области обезлюдели» [5]. Так описывалась судьба дворцового села Михайловского в Звенигородском уезде: с 15 августа по зимний Николин день (6 декабря) в нем умерли от болезни 415 человек, 226 выжили. Всего же в уезде за это время от чумы умерло помещичьих людей и крестьян 707 человек и 689 осталось в живых [1].

Документы и свидетельства современников и очевидцев рисуют едва ли не апокалиптическую картину бедствия. Павел Алеппский, передавая рас-

сказы очевидцев, сообщал своим читателям, что в городе «под конец уже не успевали хоронить покойников; стали копать ямы, куда и бросали их, ибо город наполнился смрадом от трупов, которые даже поедали собаки и свиньи». Последние, по его словам, утратили всякий страх, так что по опустевшему городу никто не рисковал ходить в одиночку, в противном случае он рисковал быть загрызненным и съеденным одичавшими псами и свиньями [5].

Неспособность властей справиться с эпидемией и полная безысходность от осознания своей беззащитности перед лицом смертоносного поветрия до предела накалили атмосферу в столице. Особые претензии москвичи высказывали к патриарху — по словам Родеса, «здешний же простой народ не очень доволен его отъездом, тем что пастырь так бросает своих овец» [30]. Патриарх пытался снять негативный эффект, вызванный его отъездом из столицы, присылкой в Москву образа Казанской Богоматери, однако это не помогло. Мор продолжался, напряжение росло, в конце августа оно вылилось в так называемый «чумной бунт». Описывая его начало, Родес сообщал, что 25 августа 1654 г. «в короткое время в Кремль собралось несколько тысяч народа и некоторые принесли с собой своих нарисованных богов, которых они носили туда и сюда, и у некоторых из которых были выцарапаны глаза или они были иначе мерзко осквернены, и (люди) заявляли, что тот или другой священный образ дольше не может этого переносить, и при этом рассказывали, как одна монахиня, повесив икону на грудь, пришла к члену правительства князю Пронскому и заявила клятвенно, что ей сама икона открыла, что некоторый святой образ обезчещен, осквернен и брошен под лавку в доме Патриарха, и так как это случилось, то икона сказала, плача, что из-за этого люди так и умирают, и не перестанут умирать раньше, чем это будет наказано и та икона снова будет восстановлена в своем прежнем достоинстве» [30]. Князю Пронскому удалось уговорами добиться, чтобы взбунтовавшиеся москвичи разошлись по домам, после чего некоторые из зачинщиков бунта были арестованы, а другие бежали из столицы или же умерли от болезни. Впрочем, глухое брожение в столице продолжалось вплоть до начала зимы, пока эпидемия не начала постепенно идти на убыль.

Заключение

С 10 октября 1654 г. поветрие в Москве, по сообщению князя Хилкова, начало «тишеть, а больные люди от язв учали обмогаться» [1]. Жизнь в столице постепенно стала приходить в норму: начали открываться лавки, заработали казенные присутствия, восстановились службы в церквях, хотя, конечно, город еще долго оставался пустынным. Приехавший в столицу в феврале 1655 г. патриарх Никон отписывал царю свои впечатления от обезлюдившей и занесенной снегами Москвы: «Ох, увы! Зрения неполезного и плача достойного! Непрестанно смотря плакал, плакал пустоты московския, пути и домов, идеже прежд соборы многии и утеснение, тамо нико-

ково, велики пути в малу стезю и потлачены, дороги покрыты снегом и никем суть и следими, разве от пес» [32]. Зимой же 1655 г. первая волна мора пошла на спад и в других городах и уездах Российского государства. Однако до конца чума не ушла. В 1655—1656 гг. вспышки поветрия были отмечены в Поволжье, особенно затронул Астрахань, да и в центре Русской земли было неспокойно: в 1655 г. болезнь снова проявилась в Дмитрове и в Смоленске [29, 33].

В Москве, памятуя о недоброй памяти лете и осени 1654 г., внимательно следили за развитием событий в провинции и требовали от местных властей принятия жестких мер по недопущению распространения эпидемии (об этом говорилось, в частности, в ряде указов, рассылаемых от имени царя и патриарха). В самой столице царская администрация продолжала контролировать эпидемиологическое состояние города, не говоря уже о том, что снова на дорогах, ведущих в Москву, были поставлены заставы, имевшие приказ не пропускать в столицу никого из поволжских («понизовых») городов [33]. То ли принятые меры оказались своевременными и дали ожидаемый эффект, то ли болезнь и в самом деле отступила, поразив слабых и восприимчивых к ее возбудителю людей, а выжившие обрели коллективный иммунитет к заболеванию, однако повторения трагедии 1654 г. не случилось даже в Москве, где в 1655 г. были локальные вспышки поветрия [33].

Карантинные меры там, где они проводились четко и последовательно, давали необходимый эффект. Во всяком случае, Новгород и Псков, которые прежде обычно принимали на себя первый удар пришедшей с Запада эпидемии, на этот раз ею оказались вовсе не затронуты, поветрие коснулось их лишь крылом. Случаи заболевания были отмечены в Торжке и Старой Руссе; ни в самом Новгороде, ни в его пригородах и уездах, ни во Пскове эпидемии и массовой гибели людей отмечено не было.

Патриарх Никон в 1656 г. напечатал особое слово на поветрие, представляющее большой интерес для изучения официальной точки зрения относительно природы поветрия, способов борьбы с ним. Обращаясь к пастве, на вопрос о происхождении болезни Никон отвечал, что «многажды и от звезд тлетворных, и прахов, и зловония мертвечин, и дождей летних, и воздымлений, и воспарений земных и морских недуги телесныя и тля, и смерти бываю» [7, 11]. Бегство от поветрия бесполезно, продолжал он, поскольку без воли Господней ни один волос не упадет с головы человека и чему быть, того не миновать [7, 14]. Однако на Бога надейся, а сам не плошай, гласит народная мудрость, потому патриарх поучал свою паству: «На Бога надеющиеся и Евангелскому велению бежати от града во град от напасти повелевающу последующе и пророческое речение на уме имуще: ступайте, людие Мои, внидите в клеть свою, затворите дверь свою, укройтесь в мале, елико, донде же мимо идет гнев Господень» [7, 17]. Те же, кто не станет укрываться в безопасных местах и добровольно соблюдать жесткие карантин-

История медицины

ные меры, способствуя тем самым распространению заразы, по мнению Никона, могут считаться убийствами [7, 18, 19].

Итак, в этом послании четко и недвусмысленно отражена официальная позиция властей относительно поветрия, подкрепленная авторитетом церкви. Причина болезни кроется во вредоносных испарениях и миазмах, спасение же от нее заключается в отъезде из неблагоприятных мест и строгое соблюдение карантинных мер. На этот раз Псков и Новгород чума миновала, хотя, если вспомнить предыдущие случаи «Божьего посещения» на Руси, мор приходил обычно через эти два города. Почему так случилось? Видимо, на этот раз сработала должным образом установленная система карантинных (о новгородских и псковских карантинах в XVII в. в 2020 г. вышло небольшое исследование Санкт-Петербургского исследователя А. А. Селина [34]).

Какими были потери от болезни? В отличие от предыдущих пришествий морового поветрия в XIV, XV и XVI вв., некоторые более или менее точные сведения на этот счет у нас есть. Правда, точность их, в особенности если речь заходит о нарративных источниках, хромает на обе ноги, но они позволяют представить себе масштаб урона. Выше мы уже приводили некоторые данные по смертям в Москве, но это были сведения по отдельным категориям населения, причем еще раз подчеркнем, что наиболее смертоносной болезнью была там, где наблюдалась скученность людей: в присутственных местах, в боярских и купеческих усадьбах, в стрелецких слободах и монастырях. Поэтому переносить сведения о количестве смертей и выживших там на все население той же Москвы было бы неправомерно.

Что же говорят нам источники о количестве умерших от поветрия в столице и в других городах и уездах Русского государства? На одном полюсе у нас сведения, которые сообщает С. Коллинс, английский врач при дворе Алексея Михайловича. Согласно его посмертным запискам, в Москве от чумы умерло от 7 до 8 тыс. человек [35]. На другом полюсе у нас данные Павла Алеппского, согласно которым число умерших от эпидемии москвичей оценивалось в 480 тыс. [5]. И. Родес находится между Коллинсом и Павлом Алеппским, он отписывал в Стокгольм королю Карлу X Густаву в середине ноября 1654 г., что в русской столице и ее окрестностях умерло от болезни 200 тыс. человек (и эти сведения сопровождала пометка «достоверно оценивают») [36]. Н. Ф. Высоцкий попробовал собрать данные, присланные в Москву воеводами из 50 городов и уездов, в таблицу. Суммировав эти цифры, мы выходим на минимум 35 170 умерших в провинции (не всегда понятно, включали ли эти сведения всех умерших или же только мужчин) и 6029 человек — в Москве (данные неполные, поскольку они не учитывают умерших стрельцов и членов их семей, а их было не менее 2—3 тыс.¹⁰⁵). Так что цифры, приве-

денные Коллинсом и Родесом, представляются если и завышенными, то не слишком сильно.

Однако если и в самом деле к концу осени 1654 г. в Москве и в других городах, пораженных поветрием, умерло около 200 тыс. человек, то это не идет ни в какое сравнение с последствиями Черной смерти середины XIV в. или «Настасьина мора» первой четверти XV столетия, не говоря уже о чуме Ивана Грозного (отягощенной еще и голодом). Так почему же этот мор вызвал такую реакцию и апокалиптические настроения в русском обществе? Да и чума ли это была? Во всяком случае, относительно характера заболевания, обычно определяемого как чума, есть и иные мнения. Так, А. Г. Авдеев отмечал, что, возможно, моровое поветрие 1654 г. было вызвано возбудителем не чумы, а сибирской язвы [15—17, 21].

На первый же вопрос дать простой и удовлетворительный ответ сложно. Можно лишь предположить, что здесь налицо определенный психологический эффект, о котором писал Павел Алеппский. Москва на протяжении многих десятилетий не знала ничего подобного (как уже было отмечено выше, при жизни трех поколений), и оттого последствия поветрия (беззащитность перед лицом болезни, не щадившей никого, стремительное ее развитие, как правило, заканчивавшееся смертью, зачастую неожиданной и внезапной) казались еще более страшными, что и нашло свое отражение в нарративных источниках.

Что касается второго вопроса, то мы склонны считать, что в 1654 г. Москву, а вслед за нею и другие русские города и уезды поразила именно чума. Для того чтобы определиться, какая именно ее форма — бубонная, легочная или иная — была наиболее характерна, данных недостаточно (возможно, здесь могли бы помочь исследования захоронений, связанных с этой эпидемией), однако в первом приближении можно сказать, что, скорее всего, москвичи столкнулись с разновидностью бубонной чумы.

К исходу 1658 г. последние очаги мора в Поволжье постепенно угасти. И хотя сама эпидемия еще продолжалась за пределами России (в Литве и в Ливонии), однако вплоть до XVIII столетия, до петровских времен, русское общество и государство не знало значительных эпидемий «черной смерти».

Исследование не имело спонсорской поддержки.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической Комиссией. Т. III. СПб.: Типография Э. Праца; 1848. 559 с.
2. Thonman L. An Environmental History of Ancient Greece and Rome. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 186 p.
3. Летописец 1619—1691. Полное собрание русских летописей. Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука; 1968. С. 180—205.
4. Двинской летописец. Полное собрание русских летописей. Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Наука; 1977. С. 148—221.
5. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Чтения в Императорском Обществе Истории

¹⁰⁵ Подсчитано автором по [12, 21—25].

- и Древностей Российских при Московском Университете. III. Материалы иностранные. М.; 1897. Кн. 4. С. 1—202.
6. Курц Б. Г. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М.: Синодальная типография; 1915. 274 с.
 7. Никон. Поучение о моровой язве. М.: Печатный двор; 1656. 66 с.
 8. Шушерин И. Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России. М.: Университетская типография; 1871. 130 с.
 9. Рихтер В. История медицины в России. Часть 2-я. М.: Университетская типография; 1820. 542 с.
 10. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 10. М.: Мысль; 1990. 718 с.
 11. Брикнер А. Г. Чума в Москве в 1654 году. *Исторический вестник*. 1884;XVI:5—22.
 12. Высоцкий Н. Ф. Чума при Алексее Михайловиче 1654—1655. Казань: Типография Императорского университета; 1879. 25 с.
 13. Эккерман В. Материалы по истории медицины в России (история эпидемий X—XVIII вв.). Казань: Типография В. М. Ключникова; 1884. 61 с.
 14. Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России (Материалы и очерки). М.: Гос. изд-во медицинской литературы; 1960. 397 с.
 15. Супотницкий М. В., Супотницкая Н. С. Очерки истории чумы. Кн. 1. М.: Вузовская книга; 2006. 468 с.
 16. Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия; 2003. 638 с.
 17. Козляков В. Н. Царь Алексей Тишайший. М.: Молодая гвардия; 2018. 650 с.
 18. Лобачев С. В. Патриарх Никон. СПб.: Искусство — СПб; 2003. 416 с.
 19. Никонов Н. И. Шуйско-Смоленская икона Пресвятой Богородицы. История и иконография. СПб.: Ладан-Троицкая школа; 2008. 240 с.
 20. Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М.: Наука; 1986. 264 с.
 21. Авдеев А. Г. Два малоизвестных свидетеля морового поветрия 1654—1655 г.: памятные кресты из Старой Руссы и Шуи. Русь под ударом моровых поветрий. *Вестник университета Дмитрия Пожарского*. 2021;21(1):13—33.
 22. Носов А. В. Два свидетельства о море 1654 г. в Солигаличе и Шуе. Русь под ударом моровых поветрий. *Вестник университета Дмитрия Пожарского*. 2021;21(1):85—96.
 23. Alexander John T. Bubonic Plague in Early Modern Russia. Public Health and Urban Disaster. Oxford: Oxford University Press, Inc.; 2003. XVIII. 385 с.
 24. Малахова А. С., Малахов С. Н. Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси (XI — нач. XVII в.). Армавир: Дизайн-студия Б; 2014. 298 с.
 25. Пенской В. В., Полухин О. Н., Борисов С. Н., Дмитраков Р. А. Всадник на бледном коне: чума Ивана Грозного. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2021;29(1):173—9.
 26. Бужилова А. П. Homo sapiens. История болезни. М.: Языки славянской культуры; 2005. 320 с.
 27. Записная книга Яна Цедровского, собственноручно писанная, памятник исторический XVII века, найденный ксензом Иосифом Мальшевичем, магистром богословия, почетным корреспондентом, Императорской Публичной библиотеки. Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских, Книга 23. 1855. С. 13—33.
 28. Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев: Тип-я К. Н. Милевского; 1878. 468 с.
 29. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. Т. II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635—1659. СПб.: Тип. Императорской Академии наук; 1894. 768 с.
 30. Арсениевские бумаги. Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 8. Новгород; 1916. С. 3—58.
 31. Акты исторические, собранные и изданные Археологической Комиссией. Т. IV. 1645—1676. СПб.: Тип.-я II отд. С. Е. И. В. Канцелярии; 1842. 596 с.
 32. Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археологической Комиссией. Т. I. М.: Университетская типография; 1848. 353 с.
 33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. I. С 1649 по 1675. СПб.: Тип.-я II отд. С. Е. И. В. Канцелярии; 1830. 1074 с.
 34. Селин А. А. Московские карантинные. Борьба с «моровыми поветриями» в XVI—XVII вв. в Новгороде и Пскове. СПб.: Евразия; 2020.
 35. Колинс С. Нынешнее состояние России. Утверждение династии. М.: Фонд Сергея Дубова, Рита-Принт; 1997. С. 185—230.
 36. Донесения Иоганна де Родеса о России середины XVII в. Русское прошлое. Книга 9. СПб.; 2001. С. 15—46.

Поступила 16.06.2022
Принята в печать 31.10.2022

REFERENCES

1. Supplements to Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission [Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu Kommissiyu]. Vol. III. St. Petersburg: Typography of E. Prats; 1848. 559 p. (in Russian).
2. Thommen L. An Environmental History of Ancient Greece and Rome. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 186 p.
3. Chronieler 1619–1691. Complete collection of Russian chronicles. Vol. XXXI. Chronieler of the last quarter of the 17th century [Letopisets 1619–1691. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. XXXI. Letopisci posledney chetverti XVII v.]. Moscow: Nauka, 1968. P. 180–205 (in Russian).
4. Dvina chronieler. Complete collection of Russian chronicles. Vol. XXXIII. Kholmogory chronicle. Dvina chronieler [Dvinskoy letopisets. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. XXXIII. Kholmogorskaya letopis'. Dvinskoy letopisets]. Leningrad: Nauka; 1977. P. 148–221 (in Russian).
5. Travel of Antioch patriarch Makariy to Russia to half XVII centuries, Described by his son, archideakon Paul Aleppian. Readings in the Imperial Society of History and Antiquities Russian at the Moscow University III. A material the foreign [Puteshestvie Antiokhiyskogo patriarkha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka, opisannoe ego synom, arkhidiakonom Pavlom Aleppskim. Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete]. Moscow; 1897. Book 4. P. 1–202 (in Russian).
6. Kurts B. G. State of Russia in 1650–1655, according to Rhodes [Sostoyaniye Rossii v 1650–1655 gg. po doneseniyam Rodesa]. Moscow: Synodal Typography; 1915. 274 p. (in Russian).
7. Nikon. Teaching about pestilence [Pouchenie o morovoy yazve]. Moscow: Printing house; 1656. 66 p. (in Russian).
8. Shusherin I. News of the birth and upbringing and life of the most holy Nikon, Patriarch of Moscow and All Russia [Izvestie o rozhdenii i vospitanii i o zhitii svyateyshego Nikona, patriarkha Moskovskogo i vseya Rossii]. Moscow: University Typography; 1871. 130 p. (in Russian).
9. Richter V. History of medicine in Russia [Istoriya meditsiny v Rossii]. Part 2. Moscow: University Typography; 1820. 542 p. (in Russian).
10. Soloviev S. M. History of Russia since ancient times [Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen]. Book. V. Vol. 10. Moscow: Mysl'; 1990. 718 p. (in Russian).
11. Briker A. G. Plague in Moscow in 1654. *Istoriicheskiy vestnik = Historical Bulletin*. 1884;XVI:5–22 (in Russian).
12. Vysotsky N. F. Plague under Alexei Mikhailovich 1654–1655 [Chuma pri Aleksee Mikhailovich 1654–1655]. Kazan: Typography of the Imperial University; 1879. 25 p. (in Russian).
13. Eckerman V. Materials on the history of medicine in Russia (the history of epidemics of the 10th–18th centuries) [Materialy po istorii meditsiny v Rossii (istoriya epidemiy X–XVIII vv.)]. Kazan: Typography of V. M. Klyuchnikov; 1884. 61 p. (in Russian).
14. Vasiliev K. G., Segal A. E. History of epidemics in Russia (Materials and essays) [Istoriya epidemiy v Rossii (Materialy i ocherki)]. Moscow: State Publishing House of Medical Literature; 1960. 397 p. (in Russian).
15. Supotnitsky M. V., Supotnitskaya N. S. Essays on the history of the plague [Ocherki istorii chumy]. Book. 1. Moscow: Vuzovskaya kniga; 2006. 468 p. (in Russian).
16. Andreev I. L. *Alexey Mikhailovich*. Moscow: Molodaya gvardiya; 2003. 638 p. (in Russian).
17. Kozlyakov V. N. Tsar Alexei the Quietest [Czar' Aleksey Tishayshiy]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2018. 650 p. (in Russian).
18. Lobachev S. V. *Patriarkh Nikon*. St. Petersburg: Art — St. Petersburg; 2003. 416 p. (in Russian).
19. Nikonov N. I. Shuya-Smolensk icon of the Mother of God. History and iconography [Shuysko-Smolenskaya ikona Presvyatoy Bogoroditsy. Istoriya i ikonografiya]. St. Petersburg: Ladan-Troitskaya school; 2008. 240 p. (in Russian).

История медицины

20. Rumyantseva V. S. Popular anti-church movement in Russia in the 17th century [*Narodnoe antitserkovnoe dvizhenie v Rossii v XVII veke*]. Moscow: Nauka; 1986. 264 p. (in Russian).
21. Avdeev A. G. Two little-known witnesses of the pestilence of 1654–1655: memorial crosses from Staraya Russa and Shuya. Russia under the blow of pestilence. *Vestnik universiteta Dmitriya Pozharskogo = Bulletin of the University of Dmitry Pozharsky*. 2021;21(1):13–33 (in Russian).
22. Nosov A. V. Two certificates of the sea in 1654 in Soligalich and Shuya. Russia under the blow of pestilence. *Vestnik universiteta Dmitriya Pozharskogo = Bulletin of the University of Dmitry Pozharsky*. 2021;21(1):85–96 (in Russian).
23. Alexander John T. Bubonic Plague in Early Modern Russia. Public Health and Urban Disaster. Oxford: Oxford University Press, Inc.; 2003. XVIII. 385 p.
24. Malakhova A. S., Malakhov S. N. The phenomenon of illness in the mind and everyday life of a person in Ancient Russia (XI — early XVII century) [*Fenomen bolezni v soznanii i povsednevnoj zhizni cheloveka Drevney Rusi (XI — nach. XVII v.)*]. Armavir: Dizajnstudiya B; 2014. 298 p. (in Russian).
25. Penskov V. V., Polukhin O. N., Borisov S. N., Dmitrakov R. A. A rider on a pale horse: the plague of Ivan the Terrible. Problems of social hygiene, health care and the history of medicine. *Problemy social'noj gigieny, zdravookhraneniya i istorii mediciny*. 2021;29(1):173–9 (in Russian).
26. Buzhilova A. P. Homo sapiens. Disease history [*Homo sapiens. Istoriya bolezni*]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury; 2005. 320 p. (in Russian).
27. Jan Tsedrovsky's notebook, written with his own hand, a historical monument of the 17th century, found by priest Joseph Malyshevich, master of theology, honorary correspondent, Imperial Public Library. *Vremennik of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities [Zapishnaya kniga Yana Cedrovskogo, sobstvennoruchno pisannaya, pamyatnik istoricheskoy XVII veka, naydennyy kenzom Iosifom Malyshevichem, magistrom bogosloviya, pochetnym korrespondentom, Imperatorskoy Publichnoy biblioteki. Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshhestva istorii i drevnostey Rossiyskikh]*. Book 23. 1855. P. 13–33 (in Russian).
28. Chronicle of the Seer according to the newly discovered lists [*Letopis' Samovidtsa po novootkrytym spiskam*]. Kyiv: Typ-ya K. N. Milevsky; 1878. 468 p.
29. Acts of the Moscow State, published by the Imperial Academy of Sciences. Vol. II. Discharge order. Moscow table. 1635–1659 [*Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoy Akademiiy nauk. T. II. Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol*]. St. Petersburg: Typography of Imperial Academy of Sciences; 1894. 768 p. (in Russian).
30. Arseniev papers. Collection of the Novgorod Society of Antiquity Lovers [*Arsenievskie bumagi. Sbornik Novgorodskogo obshhestva lyubitely drevnosti*]. Novgorod; 1916. Is. 8. P. 3–58 (in Russian).
31. Historical acts collected and published by the Archeographic Commission. Vol. IV. 1645–1676 [*Akty istoricheskie, sobrannyye i izdannye Arkheograficheskoyu Kommissieyu. T. IV. 1645–1676*]. St. Petersburg: Typography of II department O.I. M. Chancellery; 1842. 596 p. (in Russian).
32. Letters of Russian sovereigns and other persons of the royal family, published by the Archaeographic Commission [*Pis'ma russkikh gosudarey i drugikh osob tsarskogo semeystva, izdannye Arkheograficheskoyu Kommissieyu*]. Vol. I. Moscow: University Typography; 1848. 353 p. (in Russian).
33. Complete collection of laws of the Russian Empire. Meeting first. Vol. I. From 1649 to 1675 [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe. T. I. S 1649 po 1675*]. St. Petersburg: Typography of II department. O.I. M. Chancellery; 1830. 1074 p. (in Russian).
34. Selin A. A. Moscow quarantines. The fight against “pestilence” in the XVI–XVII centuries in Novgorod and Pskov [*Moskovskie karantiny. Bor'ba s “morovymi povetriyami” v XVI–XVII vv. v Novgorode i Pskove*]. St. Petersburg: Eurasia; 2020. 160 p. (in Russian).
35. Collins S. The current state of Russia. Approval of the dynasty [*Nyneshnee sostoyanie Rossii. Utverzhdenie dinastii*]. Moscow: Sergei Dubov Foundation, Rita-Print; 1997. P. 185–230 (in Russian).
36. Reports of Johann de Rodes about Russia in the middle of the 17th century. Russian past [*Doneseniya Ioganna de Rodesa o Rossii sereдинy XVII v. Russkoe proshloe*]. Book 9. St. Petersburg; 2001. P. 15–46 (in Russian).